

Часть II Киев в XIV – первой половине XVII столетиях

Рабство не исчезнет мигом.
Даже под монгольским игом
можно наживать навар,
если, ярлыком прикрывшись
и с баскаком поделившись,
данью ублажить татар.

Кто с врагом сумеет сладить,
земляков обязан грабить.
Оттопыренный карман
ближе к собственной рубашке.
Азиатские замашки
развращали христиан.

Повод к оправданию веский:
гордый Александр Невский,
не оставив Псков в беде,
дабы Русью править ловко
в длительной командировке
прожил в “дружеской” Орде.

Не имея с ханством связи,
старокиевские князи
быстро потеряли власть.
Для престола Киев вымер.
И столица во Владимир
к северу перебралась.

Город-центр вдруг стал “у края”,
собственной судьбой играя,
жил как будто бы во сне...

Ольгерд, князь лесного братства,
вспомнив о былом богатстве,
Киев прикрепил к Литве.

8

И поляки, и литвины
этнос новой “Украины”
создали за триста лет,
замешавши речь славянов
латинянскими словами
в языковой винегрет.

Властелин короны литов,
позже – Речи Посполитой,
видел города застой,
невеселость лиц народа,
скромность быта воеводы
в замке на горе крутой.

Всем хватало пониманья
мирным сосуществованьем
повод не давать к войне.
Городское возрожденье
шло с известным уважением
к домонгольской старине.

Киевские феодалы
от литовцев не страдали,
власти захватив бразды:
старост, войтов и юристов,
даже главных бургомистров
быстро расхватав посты.

Знали управленцы-братья,
чем уважить в магистрате
благодетелей-отцов.
За примерный образ нравов
вольным магдебургским правом
осчастливили купцов.

Edited with **Infix PDF Editor**
- free for non-commercial use.

To remove this notice, visit:
www.iceni.com/unlock.htm

Магдебургское правление
нижней массе населения
прибыли не принесло.
Но, как в древности, помалу
на Подоле расцветало
бартерное ремесло.

Лили бронзу, сталь ковали,
ткани на стекло меняли –
промышляли, чем могли.
А на ярмарке торговой,
позже ставшей Контрактовой,
сделки покрупней вели.

Из Аравии и Рима,
из Московии и Крыма,
на продажу и в обмен
завезенным ширпотребом,
скупленным дешевым хлебом
наживался бизнесмен.

Замок, ратушу и рынок,
и гостиный двор, и шинок,
синагогу и костел –
общегородские черты
Вильно, Кракова и Дерпта
воплощал в себе Подол.

Над Подолом приподнятый
за урочищем Крещатым,
разрастаясь вверх и вширь,
возвышался храм Успенья,
православных упоенье,
и пещерный монастырь.

Поначалу то соседство
городу давало средство
с выгодой вести торги.
Но, как водится повсюду,
кушать из одной посуды
оказалось не с руки.

Очень быстро прочертили
меж “своими” и “чужими”
пограничную строфу –
униатского гостинца
предложили украинцам,
точно пятую графу.

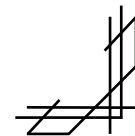
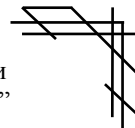
Хочешь торговать горилкой,
не сдавая грош с бутылки
в общегородской котел?
Попрощайся до рассвета
с православия заветом
и с утра ступай в костел!

От такого святотатства
только “Киевское братство
православных христиан”,
что Коллегиум открыло,
во главе с Петром Могилой
охраняло киевлян.

С езуитами удачно
спорил гетман Сагайдачный
с помощью церквей крестов.
Но для многих чин и званье
(бытие, а не сознание)
были слаще трех перстов.

Проскочить из хамства в панство
помогало ватиканство –
набивая кошельки,
занять в магистрате столик
мог лишь ревностный католик,
а схизматов – за порог!

Запорожские казаки,
получивши повод к драке
в попирании основ
православия догматов,
стали резать униатов,
иудеев и панов.

Edited with **Infix PDF Editor**
- free for non-commercial use.

To remove this notice, visit:
www.iceni.com/unlock.htm

Но паны – не лыком шиты:
с войском Речи Посполитой,
ударя в лоб и в тыл,
за сожженные маетки
твердою сочлись монеткой,
подороже, чем алтын.

В схватке яростно кровавой
не рассудишь, кто был правый –
украинец или лях.
Лозунг “зуб за зуб” внедряли,
плотью землю удобряли
на невспаханных полях.

Для борьбы той поворотом
стал не Киев, а Субботов –
жребий так был Богом дан.
Из чинов не очень низких
в гетманы прошел Хмельницкий –
толь Зиновий, толь Богдан.

И нашла коса на камень!
Из искры раздулось пламя
всепрожерливой войны.
Рыцари степного юга
ополчились друг на друга,
словно дети сатаны.

Кривонос, Богун, Небаба
цепь раскованного раба
переплавили в топор.
Радзивилл и Вишневецкий
острой саблей королевской
с ним вступили в жаркий спор.

На весах Фортуны стрелка
от Зборовской перестрелки
отклонилась к казакам.
После Берестецкой драки
перевесили поляки
и “изменник” – крымский хан.

Соблюдая политесы
по защите интересов
украинца-земляка,
то мирился гетман с Речью,
то палил в нее картечью –
чуб трещал у мужика.

В это время киевляне,
православные мещане,
без католиков – в момент
конкуренции лишились
и на связь с Москвой решились,
рассчитавши дивиденд.

Не желали и монахи,
чтобы турки или ляхи
дули в пламя их свечей.
И полковников манила
ратно-воинская сила
однокровных москвичей.

В одиночку украинцы
не могли свои границы
неприступно укрепить.
Чтоб заслон поставить бедам,
оставалось лишь с соседом
в единение вступить.

Гетман долго колебался –
с крымским ханом побратался,
с польской панночкой пожил...
Переяславскою Радой
украинца с русским братом
на века объединил!

Частью царства Алексия
стала Малая Россия
у днепровских берегов,
получивши (на бумаге)
политические блага
и защиту от врагов.

